

ДВЕ МИНУТЫ

РАССКАЗ

Над ними простиралось небо, огромное, иссиня-черное, в многочисленных огоньках, словно космический шаттл. Дэн прищурился: он был близорук и без очков плохо отличал огни станции от звезд.

– Убрать инфраструктуру, – сказал он.

Небо изменилось. Половина огоньков исчезла, небесный свод изогнулся куполом и посветлел. Дэн обернулся. Возшла луна – бело-желтая, с точечками кратеров и прожилками каньонов, она мягко сияла над зубчатыми верхушками хвойного леса, серебрилась на пригорках, поросших то ли кустарником, то ли небольшими деревьями.

Где-то рядом было море – дул бриз, нежно щекоча кожу и заставляя передергивать плечами. Воздух принес беспричинную радость, энергия словно потекла по венам, захотелось бегать, прыгать и смеяться.

– Супер! Ну, как тебе это нравится? Здесь можно ходить. – В подтверждение своим словам Дэн сделал несколько шагов.

Земля была твердая, как камень, – должно быть, они и в самом деле стояли на скале.

Его спутник, сухой жилистый старик, молчал. Дэн вздохнул и начал изучать местность сам, делая аудиозаметки:

– Вижу амонию табернемонтана, Северная Америка – есть, адиантум педатум, папоротник – есть, арункус вулгарис, волжанка, ага, лунария реди-

вива... Стоп! Дамочка, – наклонился он над растением с россыпью бледно-фиолетовых мелких цветков, – вы должны быть в другом месте. – Лунник растворился в воздухе, и на его месте образовалась подходящая замена.

Дэн выпрямился, победно посмотрел в сторону старика (это был его дед) и затараторил:

– Дед, деда, смотри! Я не пропускаю ни одной мелочи. Слежу за всем, абсолютно, даже за составом воздуха, воды и флоры. Смотри! Турист скажет: трава и трава. А я знаю, что она не растет там, где мы сейчас находимся. – И он ткнул наугад в кустарники. – Видишь? Ну, как?

Он ожидал похвалы. В конце концов, он же старался.

– Деда, ну ты же здесь был? Я хотел, чтоб это было по твоим воспоминаниям. Все облако перерыл, сопоставил фон на всех фотографиях того времени, но! Знаешь, что самое интересное?

Дед улыбнулся и кивнул.

– Все, что ты видишь, – база. Потому что это, ну, частично и мое восприятие. Я сделал по фотографиям и по данным климатологов. Но ты можешь создать реальность при помощи собственных нейронов. Звук, запах, цвет, ощущения... – Парень вздохнул и добавил: – Деда, ну я просто хотел написать свою дипломную так, чтобы она и тебе принесла радость.

Старик осторожно погладил внука по плечу. Тот с надеждой спросил:

– Хочешь сам? – Не дожидаясь ответа, дал команду: – Передача управления.

Все исчезло: горы, ночная прохлада, луна. В глаза ударил солнечный свет. В горле запершило от перемен в атмосфере – морской бриз сменился сухим, горячим воздухом, кожа моментально согрелась. Дэну показалось, что он чувствует, как в организме синтезируется меланин.

Они стояли в каком-то захудалом дворике, окруженном трехэтажными обшарпанными домами. Со скудно обустроенной детской площадки, блестящей на солнце нагретым металлом, доносились возня и крики малышей. Старик подошел к скамейке под большим раскидистым деревом, сел.

Дэн недоуменно оглянулся.

– Дед... Это что? Наверное, сбой программы? – И начал щелкать по кнопкам панели, вылезшей из наручного управления. – Погоди. Программа должна вытащить самые счастливые воспоминания. Как то, где мы были – шикарная природа, уединение, чистый воздух. А не это... Я имею в виду, на что здесь смотреть? Это где вообще? – Он, прищурившись, пригляделся к ближайшему дереву: испещренный морщинами ствол, зазубренные небольшие листья. – Это... Это... Вяз.

Дед не ответил. Он улыбался и, закрыв глаза, слушал. От улыбки морщин на его лице стало еще больше.

Расстроенный, Дэн сел рядом.

– Деда, я так спешил. Вот это мой дипломный проект, понимаешь? – зачем-то повторил он еще раз. – Врачи говорят, что твое сердце, что тело... Я хотел, чтобы напоследок ты забыл о том, что не можешь ходить. Чтобы пошел по воспоминаниям, по самым счастливым, куда угодно. И показал мне их, а я бы запомнил. А это... Не знаю что... И времени у нас осталось... Две минуты.

– Красиво здесь, – впервые подал голос старик.

Его внук подпрыгнул.

– Работает! Деда, работает! Смотри, ты говоришь! С тобой вчера все попрощались, остался я. Хотел подарить тебе... Вот это... Ну, не это... А что-нибудь красивое. Фьорды, Аляску, северное сияние... Лес рядом с нашим домом... Что угодно, что бы ты захотел.

– Спасибо. – Дед осторожно поднял руку и снова погладил Дэна – по голове.

Минуты потекли, а они сидели, слушали, молчали.

Издали заикался прибор.

– Конец программы.

Все исчезло. Шелест вяза, детские крики и жара сменились шумом и запахом больницы, которые, видимо, не меняются столетиями. Дэн снял шлем, отцепил паутину сенсорных датчиков с себя, потом с неподвижно лежащего на кровати деда.

Расстроенный, парень покачал головой:

– Наверное, ты не помнишь. Папа сказал, вы были счастливы на отдыхе в лесах. А говорить ты можешь только там, в программе. Она же нейронная. Но я рад, что мы прогулялись.

В палату забежали нянечки, медсестры, врач. Все как обычно в таких случаях. Стало очень беспокойно и суетливо. Кто-то из старших родственников, наверное, отец или дядя, разговаривал с врачом.

Дэн нашел укромное место в дальнем коридорчике. Надел шлем снова.

Вернулся в знойный полдень, на скамейку под вязом. Неожиданно вспомнил, что дед называл это дерево карагачом. Прислушался – ничего примечательного. Дед сидел, закрыв глаза, – и Дэн сделал то же самое. Потекла минута... Вторая. Он почувствовал: жар от песка, прогревающий ступни сквозь подошву кроссовок; от едва ощутимого дуновения ветра – щекочущие прикосновения острых листочков. Запах чьей-то выпечки – и как он не заметил этого раньше? Топот детских ножек...

Чувства обострились и стали полнее. Где-то сзади, с площадки, как эхо, раздался звонкий детский голос:

– Дед! Деда! Смотри!

БЕССОННИЦА

Кто-то пишет, что рассвет наступает, когда гаснут уличные фонари, но у нас в Алматы совсем не так, у нас две смены фонариков, одна укладывается спать рано, предварительно врубив фонари так, что они светят прямо мне в глаз – четвертый этаж, мы параллельны, – а другая заступает на работу, когда небо уже побелеет и из-за деревьев с мелкими еще листиками, кашицей, как называют это салатное напыление на темных ветках, медленно выкатится золотисто-желтый круг солнца, и я знаю, что уже нет профессии фонариков, это архаизм, как прачка, например, прачечные есть, а прачек нету, фонари вон тоже стоят, а самих фонариков нет, ну и наступает новый день, и когда эти дурацкие фонари уже не светят в глаз, тогда я засыпаю, расстроенная, после бессонной ночи, потому что, во-первых, солнечный свет мягкий и от него не болит голова (лучше бы я спала!), а во-вторых, я себе клятвенно обещаю одну великую вещь, что сегодня я посплю, а завтра из совы превращусь в жаворонка, потому что ну какой же у нас одуряющее прекрасный рассвет, после ночи, когда машин меньше, воздух чистый, и мы с кошкой выходим на балкон, у нее печальные большие глаза – не потому что она печальная, она та еще хулиганка и мошенница, а потому что ей так выгодно, ну или потому, что она такая родилась, с красивыми печальными глазами.

Мы выходим на балкон, она влезает на перила и ястребиным взором наблюдает, как взмывают в небо из-под крыши крупные сизые голуби, и я, стыдно сказать, начинаю думать, а можно ли, к примеру, наловить штук шесть этих птичек, ощипать и приготовить голубей с соусом по-венециански, ну что вы говорите, разве это я придумала – это знаменитый детектив Ниро Вульф, почитайте о нем у Рекса Стаута, это все его рецепты, а я просто стою, дышу почти чистым воздухом, и мысли мои, как скворцы на ветках деревьев, перепрыгивают одна на другую, я вспоминаю, что мы с мамой очень любили Ниро Вульфа и выискивали по книгам – а папа нам их купил целый ящик! – его рецепты, и однажды испекли вкуснейшую, но долгую (полчаса в четыре руки) яичницу в духовке с молодым картофелем и шампиньонами, пытались приготовить и что-то другое, но у Ниро Вульфа еда какая-то для небожителей – руанские соусы, пироги с устрицами, пирожные из каштанов, пока приготовишь, оголодаешь, еще и не поймешь ничего.

Припозднившиеся бегуны не подозревают, что я бормочу насмешливо им вслед, да откуда им знать, разве нормальный человек бежит по улице, высматривая, не глазеет ли кто на него с четвертого этажа, но на самом деле это бегунам надо смеяться надо мной, потому что они бегут,

Он бежал в своей не новой спортивной форме, в советской шапке «петушок», то появляясь под одним фонарем, то исчезая в темноте, пока не выныривал у другого, — три фонаря напротив моих окон вдоль проспекта, три раза туда, три раза обратно.

ся в широкие окна, как кошка мягким шагом массирует мое уставшее тело, и знать, что я все равно проснусь через пару часов, и пустота, с которой что-то нужно делать, заштриховывать ее новой работой, ставить заплатки из хобби и интересов, придумывать новые цели, зная, что уверенность в завтрашнем дне спряталась где-то рядом, что я чувствую ее, будто в детстве, когда мы играли в прятки и я знала, что есть всего три-четыре места, куда могут спрятаться мои друзья, искала их и не могла найти, потому что пока я шла в одну сторону, они перепрыгивали в другую, и понятно же, что это игра и совсем не обидно, потому что это я должна проявить ловкость и смекалку, потому что они-то уже все спрятались, и я чувствую это дыхание уверенности, мне кажется, что тень мелькнула за забором, я мчусь туда со всех ног, но там пусто, пусто и у меня на душе, и вот эта пустота и страх одиночества заставляют вжиматься в подушку, замуривать глаза и уговаривать: спи, спи! через пару часов начнется новый день.

а я сейчас уйду спать, но смеюсь я не над ними, а над тем, что молодые и здоровые бегают намного позже одного старичка — я знаю по седой бороде и согбенной спине и по тому, что трусит он еще медленнее, чем я хожу, что это старик, — его я заметила еще с декабря, с того месяца, как меня накрыла ужасная, изнуряющая бессонница, и вот этот старичок всегда пробегает в одну сторону в пять утра, а обратно — в пять тридцать, и ни разу не пропустил, даже когда была зима и в утренней темноте под фонарями медленно падал хлопьями мягкий снег, он бежал в своей не новой спортивной форме, в советской шапке «петушок», то появляясь под одним фонарем, то исчезая в темноте, пока не выныривал у другого, — три фонаря напротив моих окон вдоль проспекта, три раза туда, три раза обратно.

Я пытаюсь перебороть себя и уговорить выйти на позднюю пробежку, но все мое существо, встретив рассвет, дождавшись, когда мигнут и погаснут фонари, когда пробегут и пройдут все те же утренние люди, вдруг делает гигантское усилие и разворачивает перед моим воспаленным сознанием план: поспать, встать, сделать зарядку и полезный завтрак, вытащить себя на улицу, выучить новые слова, выполнить норму по работе, прочитать книгу из списка, сделать первое, пятое, десятое, найти точку опоры и придумать, как жить, но вначале, конечно, спать, это однозначно, заспать и почувствовать, как новый день врывается

